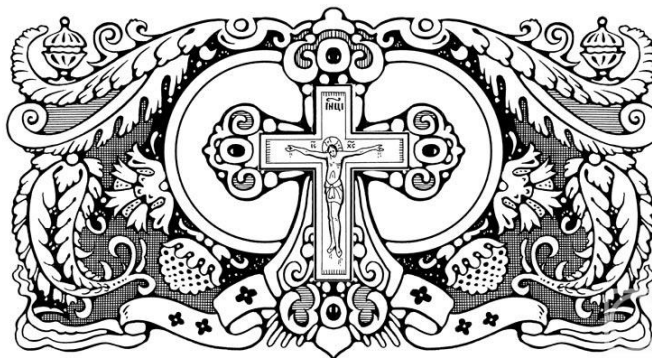

ВЕЛИКИЙ ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ

Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин – авторский текст, составление, редакция

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: Юрий Рассулин, 2020

Свидетельство о публикации №220010801706

Глава 10

Мечь врага рода человеческого

2. Заблуждение архиепископа Феофана

О владыке Феофане уже было сказано в главе 4 «Благословен грядый во имя Господне». Напомним, что архимандрит Феофан (Быстров) был одним из тех, кто воспринял сибирского странника Григория Распутина, как человека духовно одарённого, человека Божьего. В свой первый приезд в Санкт-Петербург Григорий Ефимович имел рекомендательные письма к ректору С-Петербургской Духовной академии епископу Сергию (Страгородскому) и инспектору академии архимандриту Феофану (Быстрову). Рекомендательные письма были написаны архимандритом Хрисанфом (Щетковским), который окончил Казанскую духовную академию, и будучи начальником Русской православной миссии в Сеуле, часто приезжал в Казань, где с ним и познакомился Григорий Распутин. В 1904 г. архимандрит Хрисанф был хиротонисан во епископа Чебоксарского и назначен викарием Казанской епархии. В свой первый (1903 г.) и последующие приезды, Григорий Ефимович проживал у архимандрита Феофана в Александро-Невской лавре, считая его своим духовным наставником и другом.

В феврале 1909 г. архимандрит Феофан (Быстров) был возведён в сан епископа. К сожалению, владыка Феофан под влиянием слухов о поведении Григория Распутина, пришёл к мысли, что он в прелести. Своими соображениями епископ Феофан, исполнивший обязанности духовника Царской Семьи, решился поделиться с Государыней Императрицей Александрой Феодоровной. Однако, вопреки ожиданиям епископа, Государыня отнеслась к его словам критически, считая, что он глубоко заблуждается. Чтобы рассеять все сомнения молодого епископа Феофана относительно Григория Ефимовича, Государыня попросила епископа совершить паломничество в Верхотурский Свято-Никольский монастырь вместе с Григорием и монахом-отшельником Макарием из Верхотурья. С монахом Макарием епископ Феофан познакомился также по настоянию Государыни. Эта поездка окончательно сформировала его отношение к Григорию.

На допросе в Ч.С.К. (1917 г.) архиепископ Феофан рассказал следующее: «Я пересилил себя и во второй половине июня 1909 года отправился в путь вместе с Распутиным и монахом Верхотурского монастыря Макарием, которого Распутин называл и признавал своим «старцем». Распутин стал вести себя не стесняясь. Я раньше думал, что он стал носить дорогие рубашки ради царского двора, но в такой же рубашке он ехал в вагоне, заливая её едой, и снова надевал такую же дорогую рубашку. Подъезжая к Верхотурскому монастырю, мы по обычаю паломников постились, чтобы натошак приложиться к святыням. Распутин же заказывал себе пищу и щёлкал орехи. Распутин уверял нас, что он почитает Симеона Верхотурского. Однако, когда началась служба в монастыре, он ушёл куда-то в город». [19]

Оставить рассказ владыки Феофана без возражений нельзя, поскольку натяжки и предвзятости в его оценках слишком очевидны, а обвинения совершенно беспочвенны. Замечание первое. Поездку по железной дороге за Урал в начале 20-ого века можно вполне квалифицировать, как дальнейшее путешествие. Всем хорошо известно, путешествующие от поста освобождаются. Во всяком случае, послабление в строгости поста не только допустимо, но и совершенно оправдано, поскольку человек находится вне дома, вне привычной, обыденной обстановки и, тем более, не в монастырской келье. От путешествующего требуется особое внимание, напряжение, повышенный расход нервной энергии. В обычае русских людей всегда было подкрепиться в дороге, если то было возможно. Не грех вкусить домашних припасов, благоразумно взятых с собой, а если нет, воспользоваться тем, что Бог посылает путнику, уж кому что, по достатку: кому ресторан, а кому горячая картошка из чугунка, да с малосольным огурчиком, да с пирожками. Такого рода нехитрая снедь в изобилии продавалось ещё до недавнего времени на вокзальных перронах. Владыка Феофан не поясняет, какого рода пищу заказывал себе Григорий. Но это ясно и без пояснения, поскольку по свидетельствам многих современников, Григорий Распутин мяса не ел, скоромную пищу употреблял умеренно, всё же остальное (например, орехи) вполне укладывается в рамки постовых ограничений.

Да, может, и не постился он вовсе! Ведь он возвращался домой, был в приподнятом, радостном настроении. Праздник у него был, а не пост, Пасха на душе! Легко на сердце, вольно дышалось после душного, тягостного настроения, владевшего им в Петербурге. Вот и лузгал он орехи от счастья, да нарядные рубахи менял — на родину человек ехал, домой, а потому просто отдыхал и душой, и телом. Вот и весь сказ.

Замечание второе. Его отношение к дорогим рубашам, доказывает только одно, что он не страдал фетишизмом, т. е. не склонен был придавать большого значения подаренным ему вещам, и не делал различия между богатой и простой одеждой: что было на нём, то и носил, просто и без церемоний, по-крестьянски. Рубаха она и есть рубаха, испачкалась — жена стирает.

Замечание третье. Ушёл из церкви во время службы. Это опять же характеризует его, как простого человека. Ему надо было, он и ушёл, в город, по делам, так, знакомых повидать. Это епископ Феофан был гостем, настоящим паломником из далекой северной столицы, хоть и поневоле (ведь по его собственным словам, он без всякой охоты отправился в паломничество, ему пришлось пересиливать себя). А Григорий Ефимович был у себя дома, Верхотурье для него было таким же родным, как Покровское. И если Киевские старцы, погребённые в пещерах, были для него родственниками, то праведный Симеон был роднее родных. Григорий бывал здесь не раз и исходил всё вокруг, да около, да все святыньки облобызал и слезами полил. Да не как высокий сановник, а как странник в рубище, да с котомкой, полной крестьянского горя и слез. И комариков покормил на пути, и зной, и холод, и голод терпел, да рубахи по году не менял, да вериги нашивал, и нужду знал не по букве, да не в пример столичным академикам. Ну, да хватит...

Епископ Феофан побывал не только в Верхотурском монастыре, но и на родине Григория Распутина — в селе Покровском. Из этой поездки владыка Феофан также не вынес благоприятных впечатлений относительно Григория Ефимовича и сделал вывод, что тот находится «не на высоком уровне духовной жизни». Помимо того, что Григорий в поезде «заказывал себе пищу и щёлкал орехи», тогда как сам епископ Феофан постился, не понравились ему и братья Григория во Христе: Николай Распутин, Николай Распопов и Илья Арапов, и то, как пели они духовные канты. Не понравилось и убранство дома Распутиных, особенно второй этаж, обставленный в городском стиле. Раздражение молодого епископа вызвали сугубо мирские предметы: пианино, граммофон, часы с гирьками, люстра, ковры на весь пол, венские стулья и мягкие кресла — одним словом, всё, что можно назвать символами крестьянского достатка и материального благополучия, всего того, что в иных обстоятельствах могло бы порадовать истинно русского человека, кому не безразличны вопросы крестьянского житья-бытья, для кого богатое убранство крестьянской избы воспринималось, как символ крепости и довольства — той благородной, заветной цели, к которой всегда стремились Русские Самодержцы в отношении своих верноподданных граждан, на коих зиждилось могущество Православной Империи. Как видно, всё сказанное нельзя было отнести на тот момент к епископу Феофану. Внешняя обстановка крестьянского быта семьи Распутиных не вязалась с представлением владыки о подвижнической жизни.

Подведем итог. Поскольку всё, увиденное владыкой Феофаном, при желании можно было бы трактовать совсем по-иному, напрашивается вывод, что такового желания не было у владыки, а его собственные впечатления явились следствием твёрдого предубеждения против своего брата во Христе. Предвзятое отношение сложилось у епископа Феофана задолго до поездки в Сибирь под влиянием упорных слухов, которым внимал владыка Феофан. Неприязненные чувства не удалось рассеять в процессе поездки, и раздражение Григорием Распутиным всё более нарастало.

На обратном пути владыка Феофан побывал в Саровской пустыни, где с ним случилось одно странное происшествие, которому будет дано объяснение в своем месте (см. заключительную главу «Прозрение»). А по возвращении в Петербург он держал совет с иеромонахом Вениамином Федченковым, на котором они постановили обличить Григория.

— Когда затем Распутин пришел к нам, — продолжает владыка Феофан свой рассказ следователям Ч.С.К., — мы неожиданно для него обличили его в самонадеянной гордости, в том, что он возомнил о себе больше, чем следует, что он находится в состоянии духовной прелести. Мы объявили ему, что в последний раз требуем от него переменить образ жизни, и что если он сам не сделает этого, то отношения с ним прервём и открыто всё объявим и доведём до сведения императора. Он растерялся, расплакался, не стал оправдываться, признал, что делал ошибки и согласился по нашему требованию удалиться от мира и подчиняться моим указаниям.

Через некоторое время до меня дошли слухи [*подчеркнуто сост.*], что Распутин ведёт прежний образ жизни и что-то против нас предпринимает. Тогда я решил применить последнюю меру — открыто обличить и поведать всё бывшему императору. Однако, принял меня не император, а его супруга в присутствии фрейлины Вырубовой.

Я говорил около часа и доказывал, что Распутин находится в состоянии духовной прелести. Бывшая императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских. Я разбил все её доводы, но она твердила: «Всё это неправда и клевета». Разговор я закончил словами, что не могу иметь общение с Распутиным. Я думаю, что Распутин, как человек хитрый, моё против него выступление объяснил царской семье тем, что я позавидовал его близости к семье, хочу его отстранить. После беседы с императрицей ко мне, как ни в чем не бывало, пришёл Распутин, видимо, думавший, что недовольство императрицы меня утратило, однако я решительно заявил ему: «Уйди, ты — обманщик». Распутин упал мне в ноги, просил простить. Но я снова заявил ему: «Уйди, ты нарушил обещание, данное перед Господом». Распутин ушёл, и больше я с ним не виделся». [20]

Приведённый рассказ владыки Феофана — точное изложение событий в плане поступков самого владыки, но совершенно бездоказательное с точки зрения существа дела, поскольку кроме голословных заявлений читатель ничего не сможет обнаружить в показаниях архиепископа Феофана. Всё те же не подкрепленные ничем, а потому пустые, построенные на эмоциях и не вполне понятных обидах выпады. Из слов владыки Феофана следует, что Григорий Ефимович совершенно не принимал его вражды и как истинный христианин просил прощения за то, что невольно погрешил в чём-то против своего духовного брата и наставника, каковым он считал Феофана. Но Феофан вопреки заповеди Божьей, прощать кающемуся до семидесяти семи раз, отказался простить Григория.

К сожалению, не имея никаких прямых доказательств, а пользуясь только слухами и собственными размышлениями, владыка Феофан склонился туда, куда его увёл помысел не добрый. Его личные впечатления от часов с гирьками и венских стульев, а также от лузганья орехов в поезде, не могли служить веским основанием для предъявления тяжкого обвинения. Как могло такое произойти, понять не трудно, ведь и мы люди грешные. Духовное заблуждение епископа Феофана (Быстрова) прокомментируем словами Валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева): «Верить слухам посторонних

неверно; люди как люди, иногда из комара делают слона и видят только немощи, а келейных слез не могут знать, да и не способны проникнуть во внутреннюю жизнь уединенного инока. Степени духовного преуспеяния разные, и духовного познать может только духовный. Полезнее всего видеть всех хорошими, а себя хуже всех...» [21]

Если же и было в чём упрекнуть владыке Феофану Григория, то вновь ответим словами Валаамского старца: «Ты не хочешь грешить и гресишь тяжело. Что делать? Человецы есмы, плоть носящие да диаволом искушаемые. Не трепещи и не унывай сице; когда и пошатнёшься в какой добродетели, встань, выпрямись и опять иди вперед; знай, что устоять в добродетели зависит не от нас, а от благодати Божией. Имей смирение и не верь себе, пока не ляжешь в гроб, да других не осуждай ни в чём. Кто кого в чём осуждает, тот и сам в эти же грехи впадает, иначе не бывает». [22]

Так рассуждал старец, духовный подвижник. С какой осторожностью и рассудительностью он подходит к вопросу духовной оценки человека и призывает не спешить, дабы не придти к ложным выводам. Он предупреждает об опасности судить человека, любого человека, тем более обладающего несомненными духовными дарованиями. Но не такого взгляда на тот момент придерживался епископ Феофан.

Мнение о том, что он был аскетом и мистиком, справедливо, скорее, для позднего периода его жизни, когда он после многих перенесённых лишений и невзгод возложил на себя сугубый молитвенный подвиг, вёл отшельническую, почти затворническую жизнь, чрезмерно постился. Но в ранний период он был более «академистом», т. е. человеком книжным, получившим всестороннее богословское образование и судивший о духовной жизни по букве, теоретически. Неизбежным спутником молодых «богословов», знающих всё, но не прошедших опытом настоящей духовной школы, является недостаток смирения и простоты — знание надмевает. Излишняя академичность ограничивала, сковывала, служила барьером — ему не хватало рассуждения и духовной высоты. Возведение в сан епископа здесь ни о чём не говорит, а свидетельствует лишь об обширных теоретических познаниях и о наличии определённых административных способностей. В любом сане и звании духовным подвижником надо ещё стать, требуется немало труда, чтобы угодить Богу.

А епископ Феофан был только в начале своего духовного восхождения. Поэтому многое из того, что открывается с духовных вершин, было просто недоступно человеку, стоящему лишь на первой ступени духовной лестницы. Феофан смотрел не внутрь себя, а пытался исследовать чужую душу, однако подошёл к решению этой задачи без должного запаса смирения и любви. Его вывод относительно Распутина был сделан заранее и явился следствием его раздражения и обиды, которую он в тот момент не в силах был превозмочь, наконец, недостатком любви. Отсюда и его молитва в Саровской пустыни не могла принести духовного плода, т. к. питалась скорее гордостью, нежели желанием смиренно познать истину. Если бы это было не так, епископ Феофан простил бы Распутина, хотя бы за его необыкновенные способности и любовь к нему Царя и Царицы. Но дальнейшие события не дают оснований так думать. Епископ Феофан отказался примириться с Григорием и продолжал держать на него обиду и раздражение, несмотря на то, что Григорий искренне, на коленях и со слезами просил у него прощения, хотя в тот момент им следовало бы поменяться местами. Но таков духовный закон: человек смиренный, кто видит своё недостойнство, всегда готов просить прощение первым у того, кем был

несправедливо обижен. Григорий Распутин неукоснительно исполнил это правило и, тем самым, обнаружил несомненное духовное превосходство. Но, к сожалению, поступок Григория не был оценён и понят епископом Феофаном, скорее, послужил поводом к обличению гордости владыки.

Все эти дразги ни тогда, ни позже не могли поколебать чувства Царственных Супругов к своему Другу. Они смотрели на всё по-евангельски чисто, не желая видеть во всём зла. Также чисто они относились друг к другу, и той же чистоты, прежде всего, искали в своих друзьях, отмечая грязные наветы.

Доброе расположение Государя и Государыни к Григорию только усилило месть врага рода человеческого, ненавистника всякого проявления бескорыстного евангельского чувства. Вражьи сети всё более опутывали бедного владыку Феофана, превратившегося из близкого Царской Семье человека в того, кто вольно или невольно причинял им боль. Что касается старца Григория, то в лице епископа Феофана он приобрёл грозного врага. В своём осуждении Григория Ефимовича владыка Феофан уже не мог остановиться. Более того, и сам он явился источником наговоров на Григория, одну клевету за другой нанизывая на ниточку жизни сибирского крестьянина.

Так, например, он попытался обвинить Григория Распутина-Нового в попытке настроить Царя и Царицу против протоиерея Иоанна (Сергиева) Кронштадтского. Это следует из показаний архиепископа Феофана (Быстрова) Ч.С.К. (1917 г.): «Распутин необыкновенно искусно оговаривал. Распутин отозвался об отце Иоанне Кронштадтском, что последний — святой, но неопытен и без рассуждения, как дитя. Так впоследствии стало уменьшаться влияние отца Иоанна при дворе». [23]

Что и как сказал Григорий Ефимович относительно о. Иоанна Кронштадтского остаётся на совести владыки Феофана. Ясно только одно, что его обвинение совершенно безосновательно. Тот смысл, который он вкладывает в приведённые им же слова, является полнейшим вздором. Даже если что-то подобное и было сказано, суть сказанного совершенно в ином. Опять же, все зависит от того, как понимать слова, с каким настроением относиться к человеку. Подлинное отношение Григория Ефимовича к праведнику, которому он стремился подражать и которого рассматривал, как своего духовного учителя, совершенно недвусмысленно проступает в следующих его словах:

«А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм пуст. А в настоящее время, когда о. Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был, и тысячи шли к нему за нищетой духовной. <...> — И далее по поводу Пасхи Православной и её сравнения с католической, — Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветёт над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского, и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих». [24]

Уже из слов самого владыки Феофана, не говоря о том, что сказал Григорий Ефимович в приведенных цитатах, ясно, что он относился к отцу Иоанну Кронштадтскому, как к святому. Разве этого недостаточно? Если он и говорил о его неопытности, то, конечно, не в духовном отношении, а в житейских вопросах. Можно вполне допустить справедливость в какой-то степени такого мнения, если представить, что всё поле деятельности батюшки Иоанна находилось исключительно в сфере жизни церковной. Он был, прежде всего, пастырь духовных овец, и, конечно, не мог дать совета там, где не был

искушен. Возможно, в чем-то старец Григорий ориентировался лучше, как человек, прошедший школу жизни, имеющий семью, детей, знающий людей, их житейскую психологию и нужды, могущий дать в этой области правильный совет. При желании слова Григория Распутина об отце Иоанне могут быть восприняты именно так.

Но, по-видимому, уже в то время такого желания правильно истолковывать слова и действия Григория Распутина не было даже у его бывших друзей. Кстати, не известно никаких слов отца Иоанна, обличающих Григория Распутина, хотя уже в это время недобрая молва о нём стала широко распространяться и, конечно же, не могла не достигнуть ушей Всероссийского молитвенника. Если бы была хоть малейшая опасность со стороны Григория Распутина для Царской Семьи и для Российского Государства, несомненно, что кронштадтский пастырь бесстрашно обличил бы беззаконие. Но этого не произошло. Он никогда не касался в своих проповедях этой темы, не потому ли, что никакой опасности просто не было.

Так что мнение владыки Феофана о попытке Григория Распутина подорвать авторитет о. Иоанна Кронштадтского в глазах Царя и Царицы — а именно так следует понимать слова владыки — совершенно необоснованно и могло возникнуть лишь как следствие восприятия неверного мысленного посыла и ошибочного соглашения с ним. На языке святоотеческой мудрости это называется сосложение (или сочетание) с прилогом (лукавым помыслом).

Но простим всё владыке Феофану (Быстрову), хотя бы потому, что сам Григорий Ефимович простил его и потому, что владыка, как следует из посвящённых ему книг, искренне любил святую Царскую Семью. Будем верить, что владыка пусть и на склоне лет во всём разобрался и примирился со своим добрым старым другом и братом во Христе.

Что же касается подлинного отношения Царя и Царицы к Всероссийскому пастырю и молитвеннику за Царя и Отечество, то приведём следующий характерный эпизод из книги «Отец Иоанн Кронштадтский», изданной Русским Народным Союзом Имени Михаила Архангела в 1909 г.:

«Когда угас светильник Церкви православной о. Иоанн, то на всеподданнейшем докладе сенатора Роговича 21 декабря 1908 г. Царь собственноручно начертал: «Со всеми почитавшими усопшего протоиерея о. Иоанна оплакиваю кончину его».

Вспомним, что именно Государь Император Николай II стал инициатором ежегодного торжественного поминовения о. Иоанна Кронштадтского, обратившись к Святейшему Синоду с высочайшим рескриптом от 12 января 1909 г., где однозначно выразил свою волю:

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТ

о ежегодном молитвенном поминовении

о. Иоанна Кронштадтского

Преосвященный митрополит С.-Петербургский Антоний!

Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтоб угас великий светильник церкви Христовой и молитвенник земли русской, всенародночтимый пастырь и проповедник о. Иоанн Кронштадтский.

Всем сердцем разделяя великую скорбь народную о кончине любвеобильного пастыря и благодетеля, Мы с особенным чувством обновляем в памяти Нашей скорбные

дни предсмертного недуга в Бозе почивающего Родителя Нашего Императора Александра III, когда угасающий Царь, любимый народом, пожелал молитв и близости любимого народом молитвенника за Царя и отечество.

Ныне, вместе с возлюбленным народом Нашим, утратив возлюбленного молитвенника Нашего, Мы проникаемся непреходящим желанием дать достойное выражение сей совместной скорби Нашей с народом молитвенным поминовением почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины отца Иоанна, а в нынешнем году приурочивая оное к сороковому дню оплакиваемого события.

Будучи и по собственному душевному влечению Нашему и по силе Основных Законов первым блюстителем в отечестве Нашем интересов и нужд церкви Христовой, Мы со всеми верными и любящими сынами её ожидаем, что Святейший Синод, став во главе сего начинания, внесёт свет и утешение в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей алтаря Христова на святые подвиги многотрудного пастырского делания.

Поручая Себя молитвам вашим, пребываем к вам благосклонны.

На подлинном Собственною Его императорского Величества рукою начертано:
«НИКОЛАЙ»». [25]

Подведем итог словами Анны Александровны Танеевой-Вырубовой (из показаний Ч.С.К., 1917 г.):

«И бывший Царь, и Царица, очень уважали священника Иоанна Кронштадтского. После его смерти [20 декабря 1908 г по ст. ст.] Распутин занял его место. Во всех невзгодах жизни, во время частых заболеваний Наследника престола, во время обострения сердечной болезни Царицы к Распутину обращались за поддержкой, и бывший Царь, и бывшая Царица просили его молитв». [26]

Всё это так, возразит дотошный критик. Но владыка Феофан, даже если принять рассуждения о его молодости и неопытности, всё же был умным, образованным, тонко воспитанным человеком. Не мог же он совершенно огульно обвинять кого-то, не имея на то никаких хоть сколько-нибудь веских оснований. Но что-то же было, на что-то владыка должен был опираться.

Да, в распоряжении владыки Феофана, помимо слухов, действительно, оказался документ, с его точки зрения, неопровержимо доказывающий порочность Григория. Без рассмотрения этого документа невозможно правильно представить ситуацию.

В начале 1910 г. епископ Феофан получает так называемую «письменную исповедь», содержание которой, по всей видимости, стало известно Государыне Императрице Александре Феодоровне со слов её духовника. Текст этой записки или письма, получившего в истории название «исповеди», через епископа Феофана оказался в руках у М. Новосёлова, который включил её в свою обличительную брошюру «Распутин и мистическое распутство». Материал брошюры Новосёлов в 1912 году переслал Гучкову в виде статьи с названием «Духовный гастролёр Григорий Распутин», которая тогда же и была опубликована Гучковым в его газете «Московские ведомости» № 49. Статья Новосёлова в газете Гучкова вызвала бурную реакцию в Думе и в широких кругах общественности, что в свою очередь, послужило причиной нового грандиозного скандала вокруг имени Григория Распутина.

Вот такой феерический эффект из-за одного письма. Однако, есть ли основания для подобной реакции? Попробуем внимательно взглянуть на этот «неопровержимый» документ. При этом нет никакой необходимости приводить его текст полностью. При большом желании с ним можно ознакомиться в большинстве публикаций на тему о Распутине (Радзинский, Варламов, Ватала и т. д.). Скажем лишь кратко, что он представляет собой историю духовных исканий несчастной женщины, которой Григорий Распутин помог выйти из тяжелейшего нравственного кризиса. Что было потом, не трудно догадаться: психологическая обработка «жертвы», сексуальные домогательства, принуждение к сожительству: в поезде, в Покровском, в бане, ревность жены, нравственные мучения и т.д. и т.п. И всё передано настолько же смачно, шокирующе откровенно, обескураживающе подробно, насколько же и с оттенком совершенной искренности, абсолютной достоверности и, конечно, с подкупающе доверительной интонацией. Однако, если преодолеть некоторый шок, который возникает по прочтении текста, и избавиться от первого впечатления, которое просто парализует душевные силы, затем набраться мужества и ещё раз по возможности трезво взглянуть на этот шедевр, то не останется никаких сомнений, что этот «правдивый» опус, написан одним из самых больших доброжелателей старца Григория. Чтобы вывести доброжелателя на чистую воду, сформулируем небольшой ряд вопросов.

Вопрос первый — авторство письма? Епископ Феофан никогда и нигде не называл автора письма. Поэтому остаётся неизвестным, было ли оно подписано и кем. Эта неизвестность дала основание многим авторам и исследователям считать письмо анонимным. Возможно, епископ Феофан не решился назвать автора. Так или иначе, но имя автора никем и никогда указано не было, если не считать возникших по поводу письма домыслов. Соккрытие авторства письма вызывает недоумение по следующей причине. Допустим, что цель письма-исповеди была благородная и состояла именно в обличении, тогда стоило ли скрывать авторство? Человек трезвый и осторожный вряд ли поверил анонимному письму в таком важном вопросе, но попытался бы удостовериться в истинности изложенной информации прежде, чем предпринимать решительные действия (писать письмо Государю, добиваться высочайшей аудиенции, приводить голословные обвинения, основанные на одних лишь слухах). Открыто поставленная подпись, авторство, связанное с определенным человеком, прекратило бы всякие досужие разговоры, придало бы весомость письменному свидетельству и устранило многие недоуменные вопросы, которые с неизбежностью появляются, как только письмо становится анонимным. И владыка Феофан, и М. Новосёлов, как люди образованные, должны были бы прекрасно это понимать...

Однако, анонимка — она и есть анонимка, как её не крути, веса не имеет. Для обвинительного приговора такого рода свидетельство явно недостаточно. Этот пробел попыталась восполнить досужая молва. Для придания вескости анонимному «документу», «автор» этой самой молвою был найден. Авторство «исповеди» (анонимного письма) было приписано почитательнице Григория Ефимовича — Хионии Михайловне Берладской. На каком основании? Только лишь на том, что в письме приведены некоторые подробности, в точности воспроизводящие трагические обстоятельства её семейной жизни (измена мужа, затеянное дело о разводе, уход от мужа вместе с детьми, самоубийство мужа и глубокая депрессия на этой почве у госпожи Берладской, из которой она выбралась только благодаря

старцу Григорию). И сегодня, приводя подробности исповеди на страницах своей книги о Распутине, торопится усмотреть связь с Хионией Берладской г-н Э. Радзинский. Однако, по его словам, автор «исповеди» остаётся анонимным, и можно лишь предположить, что «все знавшие Распутина, легко могли узнать несчастную Берладскую». [27]

Приведенные слова Радзинского являются фактическим признанием того, что подписи Берладской под означенным писанием нет и оригинал «исповеди» по-прежнему остается анонимным. Тот факт, что сама Берладская нигде и никогда о своём авторстве не заявляла, вызывает недоумение. Если подписи нет, значит Берладская не хотела афишировать своё имя. Но, пытаясь скрыть своё имя, вряд ли бы она стала подробно описывать обстоятельства, которые многим были хорошо известны и по которым без труда можно было установить главную героиню всей истории. Странность и противоречие.

Вопрос второй. Можно ли относиться к письменному тексту, оказавшемуся в руках епископа Феофана, как к исповеди? Текст «исповеди» был анонимным, но исповедь без подписи — несуразица, бессмыслица. Если это действительно исповедь, пусть и письменная, почему духовником была раскрыта тайна исповеди в нарушение правил святых апостолов. Даже если конкретные имена не были указаны напрямую, но из подробностей всем было понятно, о ком идёт речь. То, что эти подробности были выставлены на всеобщее обозрение, лежит на совести духовника, т. е. епископа Феофана. И вряд ли того желала г-жа Берладская, если её письмо было действительно исповедью.

Но это представляется опять же сомнительным, поскольку для обычного покаяния можно было обратиться к любому духовнику, а не к духовнику Царской Семьи. Но допустим, владыка Феофан был и её личным духовником, т. к. имел много духовных чад среди представителей столичной интеллигенции. Тогда понятно, почему она обратилась именно к нему. Но и в этом случае снова странности, снова неясности. Если она рассчитывала на таинство исповеди, соблюдение которой автоматически обеспечивало сокрытие информации, не проще ли было напрямую обратиться к архимандриту Феофану, открыться ему при личной встрече, а не писать письмо, которое могло попасть в чужие руки, как это и произошло. Либо, представ перед духовником при совершении таинства исповеди, передать ему в руки письменное изложение того, в чем трудно было признаваться вслух. Но, обычной исповеди как таковой не было, не было совершено церковного таинства покаяния: не были совершены необходимые священные действия, не были прочитаны молитвы, предваряющие исповедь, не была возложена епитрахиль священника на голову кающегося грешника и не была прочитана разрешительная молитва. Не говоря уже о том, что не было даже разговора с глазу на глаз, т. е. непосредственного общения с человеком, которое позволило бы судить и о самом человеке, и о правдивости его заявления.

Всё это говорит о том, что письмо было рассчитано как раз на обратное — не на внутреннее покаяние, а на внешний эффект, на то, чтобы привлечь внимание и не столько к её собственной судьбе, сколько к неприглядному участию в ней Григория Распутина. Расчёт был на последующую реакцию и действия против Распутина. В таком случае, становится понятным обращение именно к духовнику Царской Семьи — епископу Феофану, а не к рядовому священнику.

Все эти несуразицы, связанные с появлением у архимандрита Феофана анонимного письма-исповеди можно объяснить только одним — тем, что «исповедь» является грубой фальшивкой. Это означает, что не было ни «исповеди», как таковой, ни «обличительного

письма». Что же было? А был донос на Распутина, представленный в форме письменного заявления, рассчитанного на то, чтобы произвести эффект. А для достижения этого вовсе не требуется строгое доказательство вины старца Григория.

Если набраться мужества и терпения и прочесть анонимного автора, то станет совершенно очевидно следующее. Так называемая «исповедь» есть не что иное, как неумная литературная стряпня, сдобренная фантастическими пассажами ловкого шулера-трюкача от литературы. Чувство меры явно недоставало литературному умельцу, насколько там всё преподнесено смачно, неуёмно и неумеренно. Анонимный автор, подобно испорченному граммофону, напевает одну и ту же ноту, как замороженный, не в состоянии сделать спасительного шага в сторону, чтобы выйти из заколдованного круга и обрести подлинную духовную и творческую свободу. Не хватает ни ума, ни фантазии, ни духовной силы. То, что написано в «исповеди» и как написано — примитивно до уродства, и может вызвать только чувство гадливости и омерзения, прежде всего, к самому анонимному литератору. Достаточно прочитать письмо полностью, допустим, в передаче Новосёлова, чтобы муссируемая там тема набила устойчивую оскомину. Все одно и то же: блуд в поезде, блуд в избе, блуд в бане. Одна сексуальная жертва, другая, третья. Блуд, блуд, блуд, примитивный, животный, ненасытный. Всё, больше ничего нет в тексте поклёпа. Да позвольте же, хватит, имейте совесть. Можно было придумать что-то пооригинальней, да и одного-то случая было бы достаточно, а тут бездна порока. Да ведь Царь с Царицей были не слепые, обладали и трезвостью, и рассудительностью, и благородством, чтобы отличить сексуального маньяка от праведного старца. Может быть, чтиво рассчитано на идиота, на больного человека? Создаётся впечатление, что сам писавший — человек тяжело больной, если не маньяк, одержимый блудной страстью. Поразительно, что Новосёлов и епископ Феофан всему этому поверили!

В старину такого рода послания назывались подмётными. Писались они с целью оклеветать человека. Кто-то состряпал это подмётное письмо, доставил его точно по адресу, т. е. раздраженному и соответственным образом настроенному, бедному епископу Феофану. Борьба с влиянием Распутина сделалась его идеей фикс, он стал одержим жаждой обличения, и уже ничто не могло остановить его и убедить в обратном. Владыка принял содержание подмётного (анонимного) письма («исповеди») за чистую монету. Изложенную в ней информацию он посчитал веским доказательством своих внутренних догадок и предположений о недостойном образе жизни Григория Распутина и одновременно достаточным основанием, чтобы начать против него активную деятельность.

Вот его собственные признания по этому поводу (из показаний Ч.С.К, 1917 г.):

«Заручившись письменной исповедью [*подчеркнуто Ю. Р.*], я написал бывшему императору второе письмо, где утверждал, что Распутин не только находится в состоянии духовной прелести, но является преступником в религиозном и нравственном смысле, ибо, как следовало из исповеди, отец Григорий соблазнял свои жертвы. Я чувствовал, что меня не хотят выслушать и понять. Всё это настолько меня удручило, что я сильно заболел — у меня обнаружился паралич лицевого нерва». [28]

Вслед за обращением к Государю с письмом против Григория Распутина-Нового последовало отстранение епископа Феофана от обязанностей духовника Царской Семьи. Со стороны Государя такое решение не могло не иметь достаточно веских оснований. И они, конечно же, были. Во-первых, Государыня Императрица была возмущена нарушением

епископом Феофаном таинства исповеди, если к письму относиться, как к исповеди. А во-вторых, доносу епископа на Друга Царской Семьи просто не поверили, опять же, не без причин. В случае лживости сообщаемой в письме информации, получалось, что епископ выступал в роли не просто доносчика, но распространителя клеветы, почему и был удалён из Петербурга.

В конце 1910 г. владыка Феофан был назначен в Крым епископом Таврическим. Это назначение логично было бы увязать с неудовольствием Царя и Царицы. Но в то же время его перевод можно объяснить и вполне прозаическими причинами. В жизнеописаниях владыки Феофана можно встретить мнение, что это место выхлопотала Вел. княгиня Елизавета Феодоровна, поскольку владыка Феофан не отличался крепким здоровьем и нуждался в лечении.

Но и в Крыму епископ Феофан не оставлял своих настойчивых попыток повлиять на Царя и Царицу в вопросе о Распутине. Так, «в начале 1911 года епископ Феофан выступал перед Синодом с предложением официально выразить Императрице неудовольствие в связи с поведением Распутина. Отказываясь, епископы — члены Синода, заявили ему, что это дело как раз лично для него, как духовника Императрицы. Находясь в то время на кафедре в Крыму, он навещал Императрицу Александру Феодоровну, когда Царская Семья приезжала в свою летнюю резиденцию в Ливадии. Осенью 1911 года Владыка говорил с Государыней около полутора часов, и Государыня, как сказал сам Владыка, "была очень обижена". Она, конечно, поняла, что Владыка слышал клевету, распространяемую не только революционерами, но даже и людьми, близкими к Престолу». [29]

Более подробное изложение событий касательно «обличительной» деятельности архиепископа Феофана в Крыму приведено в воспоминаниях келейника владыки схимонаха Епифания. Приведём достаточно обширную цитату из его воспоминаний, учитывая при этом, что Епифаний стоял на позициях владыки Феофана, вполне разделял его взгляды на рассматриваемые события, и конечно, стремился, защитить владыку от возможных нападков. Но дадим ему высказаться:

«И в печальной истории падения главную роль сыграло высшее петербургское общество. Оно окружило сибирского крестьянина всеми видами соблазнов. И старец не устоял. Высшее столичное общество, дабы взять в руки этого “фаворита” Царской Семьи, поступило с ним бездушно и духовно жестоко. Там не стеснялись в выборе средств. И эти средства стали для Григория Ефимовича страшным ядом. Под их воздействием он превратился в двуликого Януса. При дворе он был “старцем Григорием”, целителем, подававшим надежду на жизнь Наследнику, а за порогом царского дворца, в палатах аристократов он слыл уже “Распутиным”. О нём ходили непристойные анекдоты, веселомрачные рассказы и толки. И об этой трагической двойственности “старца Григория”, сокрытой от Царской Семьи, пришлось говорить Преосвященному Феофану Императрице Александре Фёдоровне. Владыка Феофан хотел, чтобы это представление имело характер мнения Епископата Церкви, и он предлагал членам Святейшего Синода и иным иерархам сделать это сообща, от лица многих. В частности, он предлагал это Архиепископу Сергию (Страгородскому), в бытность его ректором С.-Петербургской Духовной Академии, с которым имел тесные служебные отношения. Но никто из иерархов Церкви не решился на этот ответственный шаг. Все епископы, с которыми пришлось говорить Владыке Феофану,

высказывали одно и то же мнение: “Вы духовник Её Величества. И это — ваш личный долг”.

Поступая так, Владыка Феофан не отказывался от своего долга. Но он не хотел высказать своё личное мнение, с которым могли и не посчитаться. А вот не посчитаться с мнением Епископата Царская Семья уже не смогла бы.

Но Епископат Церкви уклонился от щекотливой миссии представления Царствующим Особам по поводу репутации старца Григория Ефимовича, что использовалось врагами как Церкви, так и государства. При этом положении Епископ Феофан, как духовник Государыни, был вынужден просить у неё высочайшей аудиенции. В нравственной чистоте её и в том, что разговоры о ней и Распутине являются бессовестной, грязной и безобразной клеветой на неё, он был совершенно уверен. Ведь ложь и клевета были средством политической борьбы против Монархии. Столичное высшее общество первым начало травлю Царской Семьи, а революционеры перехватили инициативу, доведя до абсурда великосветскую версию.

Аудиенция у Государыни продолжалась, по свидетельству Владыки Феофана, полтора часа. Кто близко знал Преосвященного, тому по опыту известно, насколько он был деликатен, говоря о ком-либо. К примеру, Владыка никогда никого не называл на “ты”, даже мальчиков-гимназистов. Он избегал самой возможности осудить человека, в данном случае Григория Ефимовича и тем более Государыню Императрицу. Но она, как выразился сам Владыка, страшно обиделась.

Очевидно, она подумала, что и он верит безобразной клевете, которую распространяли круги, близкие к Престолу, мстя Императрице за то, что Она, по природной застенчивости, не сумела создать близких отношений с высшим светом. Святитель Феофан исполнил свой нравственный долг, и несмотря на личную невыгоду и опасность, пошёл на аудиенцию к Царице, чтобы открыть ей ужасающую правду о старце, которого она почитала как лечителя своего сына.

За это Владыка Феофан поплатился фактической ссылкой из Крыма в Астрахань, где получил тропическую малярию и туберкулез горла.

Весьма характерно то, что клеветники совершенно умалчивают об этой высочайшей аудиенции. А почему? Да потому что мужество Святителя, проявленное им при этом, противоречит той состряпанной ими лжи, согласно которой Епископ Феофан ввёл Распутина во Дворец». [30]

Слова и доводы Епифания были бы убедительными при одном единственном условии: при том, что информация, на которой строил свой обвинительный вердикт владыка Феофан, соответствовала действительности. Однако те несурезицы и вопросы, которые правомерно возникают в отношении «анонимной» исповеди, не позволяют относиться к ней, как к достоверному свидетельству. Скорее, как к лживой инсинуации. Укажем на то, что желающих отточить литературные приёмы в жанре эротической фантастики было и есть предостаточно. В главе «Агенты дьявола» мы попытаемся обосновать утверждение, что автором подмётного письма был никто иной, как бывший иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов).

Выслушав схимонаха Епифания, постараемся взглянуть на изложенные события с позиции Государя и Государыни. Не трудно представить, насколько была неприятна,

тягостна Их Величествам бестактная назойливость епископа Феофана. Вот почему оставался епископ Феофан в Крыму недолго и был переведён в Астрахань. Как пишут Ф. Бэттс и В. Марченко, «хотя Августейшая Семья и сохранила горячую личную приязнь и расположение к владыке Феофану, он был переведён из Крыма в Астрахань осенью 1912 года, дабы, по-видимому, избежать неловких ситуаций при официальных встречах с Царской Семьей во время их визитов в Ливадию. Слухи о том, что Государыня, проявляя свое неудовольствие, в виде наказания перевела его, представляются неверными, оцениваемые по прошествии времени от аудиенции епископа у Государыни и его фактического перевода в Астрахань. В 1913 году он вернулся в центральный регион Империи Архиепископом Полтавским и Переяславским». [31]

Радзинский приводит слова, сказанные епископом Феофаном товарищу обер-прокурора Св. Синода П.С. Даманскому по поводу Распутина и в связи с новым переводом в Астрахань: «Распутин — сосуд дьявола, настанет время, Господь покарает его и его защитников» [*Царя и Царицу?! — Ю. Р.*]. [32]

Бедный епископ Феофан, если и изрёк эти страшные слова, то, конечно, будучи ослеплён, если не чувством мести, то крайней досады и обиды.

Несмотря на удаление, деятельному епископу удалось оставить по себе замену в столице в лице другого не менее активного епископа Саратовского Гермогена (Долганова), которого епископ Феофан смог убедить и привлечь на свою сторону. Тем самым он приобрёл мощного союзника в борьбе с Григорием Распутиным. Но об этом чуть погодя.

Нельзя не затронуть ещё одного вопроса: как объяснить молчание самой Х.М. Берладской. Она никак не прокомментировала содержание письма, которое недвусмысленно указывало на её персону в роли сексуальной жертвы. Письмо получило широкую огласку из-за брошюр Новосёлова и статей в газете Гучкова. Объяснений молчания Берладской может быть несколько. Первое, в случае, если она была причастна каким-либо образом к письму, можно предположить, что её постигла бесславная судьба няни Царских Детей Марии Вишняковой, которая, как мы предполагаем, оказалась жертвой сил, заинтересованных в дискредитации Григория Распутина, как друга Царской Семьи. Другое объяснение: Х.М. Берладская, подобно О.В. Лохтиной, могла оказаться под роковым влиянием о. Илиодора, и навсегда уйти в тень. Третье объяснение: человек просто не нашёл нравственных и физических сил, чтобы отстоять свою честь и дать опровержение.

Возможно и четвёртое. По материалам Тобольского дела известно, что Х.М. Берладская была вдовой поручика Инженерной академии, познакомилась с Григорием Распутиным осенью 1906, на момент дознания (август 1907 г.) ей было 29 лет. К сожалению, ничего неизвестно о её дальнейшей судьбе. К моменту появления письма (начало 1910 года) Хиония Берладская исчезает из круга почитательниц старца Григория; не сохранилось письменных свидетельств о ней, включая приватной переписки, ни за тот, ни за дальнейший период времени; она не привлекалась к допросам Ч.С.К. в 1917 г. Учитывая всё это, а также памятуя о том, что она была слабого здоровья, можно предположить, что к моменту публикации письма её не было в живых.

Укажем ещё на одно обстоятельство, которое несомненно оказало давление на Хионию Берладскую в плане формирования её отношения к Григорию Распутину. Х.М. Берладская подверглась массивной психологической атаке со стороны всё той же Елизаветы Казаковы, которая выбрала Берладскую объектом своего влияния. Это влияние,

было оказано посредством писем. Блок этих писем приводит Андрей Алексеевич Щедрин в своём интернет-журнале со ссылкой на Леонида Болотина: «Документы были обнаружены в конце 80-х годов в ЦГАОРе и скопированы (переписаны от руки и перепечатаны на пишущей машинке) Леонидом Болотиным в пору наших совместных исследований по “царскому делу”. Примечания в тексте сделаны его рукой. Орфография по возможности сохранена».

Чтобы наглядно убедиться в полном сумбуре, неопределённости и туманности претензий Казаковой к Григорию Распутину, приведём для примера лишь одно из писем:

«Вслед за посланным письмом шлю другое, но, только предупреждая, чтобы вы, дорогое дитя Божие, не думали, что я, одумавшись, пишу другое. Нет, я должна была с нестерпимой болью в сердце, я должна была, в глазах ваших так сказать, унижить ваш идеал, прежде чем он, т.е. Гр.Еф., привёл вас к Идеалу Христу... Должна я была поступить так из опасения, что он, по примеру многих, взявшись за роль руководителя, положился на свой собственный рассудок, оставив в стороне справочную меру, или так сказать путеводителей: апостольские советы и святоотеческие, а главное, заповедь вторую подобную первой: “возлюби ближнего как самого себя”, а спросил ли Гр.Еф., желал ли бы он, чтобы с ним так шутил кто-либо, как он хвалился, считая невинной игрушкой ссорить сестёр, возбуждая ненависть?.. И выходит, что он лечит от блудной страсти, а развивает другую, считая это забавой. Пишу я это Вам, дорогая, не ради того, чтобы унижать перед вами ваш идеал, но потому, что на личное напоминание ему в глаза о его преступной забаве, он не обратил внимания, продолжил хвалиться преступлением. Я и пишу вам как сестре любящей, не желающей видеть своего идеала в числе работающих дьяволу. Понимаете, родная, всем нам свойственно грешить во всём, все мы, случается, что ссорим ближних, то невольно, то по немощи нашей, и, сознавая это, каемся, скорбим. Это дело другое, а то хвалиться, и с таким увлечением, так по-детски, как способен разве несмышлёный ребёнок, смеяться, смотря на конвульсивные гримасы страдающего или умирающего. Так и он, этот смекалистый, участливый наш брат Гр.Еф., ему ещё не пришло ни в мысль, ни в сердце, как и многое, что имеет нужду в пополнении через любящие нежно, ласковые уста друга, как вы. Кто из нас без греха, брось первый упрек согрешающему, но только я спешу уверить, что я не выбирала идеалом никого, я благоговею перед одним за его честное отношение к церковной службе, в другом нахожу достойным благоговения его довольство участью крестьянина, в то время когда чуть ли не повсеместный ропот, но ведь вы же понимаете, что это не мешает, примечая ошибки и недостатки, указывать их в глаза всякому, т.е. о. Феодору я его недостаток, а не Гр.Еф., и наоборот, а если вам говорю или пишу, то по слову Христа: если согрешит брат, обличи его, а не послушает обличения, перед другим, а и другого — третьему, а потому и всем скажи верующим и, если не послушает, так молись, как о грешнике мытаре... У нас в Тобольске есть вести, будто был тайный обыск, и нашли какие-то сионские песни, запрещённые у Гр. Еф. Да, я думаю, если у него странноприимный дом, мало ли откуда принесут странники каких рукопи — *[слово не дописано, возможно, в письме был еще вкладной листок — прим. Леонида Болотина]*. Просто не слушал бы таких вестей, вместо того-то, что бы ему по добру посоветовали без всяких обысков, ведь он же многого не домыслит, ведь он сам ещё всматривается, учится и виноват ли, если к нему за наукой стекаясь, благоговея, всё принимать готовы за истину, лишь бы не слова только, но и пример живот его собственный... Мы покуда живы, я очень благодарю вас за рецепт

Бензанафта. Пишите, дорогая, и ему и мне пишите, так как мне запрещено писать, пишите ему, что бы он верил, что если я и называю его заблуждающимся во многом, но так я скорее защищу его, чем если я буду объявлять идеалом истины. Заблуждаться свойственно и высоким подвижникам, а если они примут обличение от низких грешников — это их не унижит, а возвысит. Это понимают-то те, с которыми мне приходится резонится о Гр. Еф...
Верьте же, дорогая, что так и не иначе нужно и нельзя иначе

Любящая вас горячо Ел. Казакова

привет Ване Горохову, если он у вас побывает, от детей привет нужно показать».

[33]

В таком духе всего шесть писем от Елизаветы Казаковой и одно от её дочери Екатерины. Письма написаны в сентябре 1907 года. Не всякая психика может выдержать, не повредившись, столь мощный поток негатива, докопаться до сути которого весьма затруднительно. Самое простое — укрыться и спрятаться, закрыв голову руками, что, видимо, и сделала Хиония Михайловна Берладская тем или иным образом.

В одном из писем Казаковой обнаруживается одно странное обстоятельство. Казакова пишет: «У вас, вероятно, побывает юноша, который выручил Гр.Еф., согласившись за него написать обещание, что он согласен исправить своё неискусство — примите его, он стремится любить всех на деле, хотя ещё вас». [34]

Из этого замечания Казаковой, брошенного вскользь, однозначно следует, что был некий юноша, который вместо Григория Распутина писал какие-то обещания исправиться. К этому юноше с участием относится Казакова. Она рекомендует его Берладской, как своего человека. Симпатия Казаковой означает, что её юноша готов исполнить её указания. Следуя указаниям Казаковой, юноша написал от имени Распутина текст какого-то обещания. Бумаге наверняка был дан ход. Отсюда видно, что деятельность Казаковой не ограничивалась одними увещаниями и была отнюдь не безобидна по отношению к выбранному ею объекту влияния. Сфера её влияния была очень широка: и правящий архиерей, и священники, занимающие ключевые посты в тобольской иерархии, и ближайшее окружение Григория Ефимовича. А это, помимо Берладской, мог быть и архимандрит Феофан, и иеромонах Илиодор. Уже из приведённого здесь материала следует, что деятельность Казаковой принесла соответствующие плоды.

Ссылки:

Глава 7. Месть врага рода человеческого

Заблуждение архиепископа Феофана

19. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С.139.

20. Там же.

21. Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна. М: Сестричество во имя преподобномученицы Вел. княгини Елизаветы, 1996. С.13.

22. Там же. С.6.

23. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С.111.

24. *Распутин-Новый Г. Е.* Мои мысли и размышления. Петроград, 1915; ГАРФ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 35.
25. *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М: Паломник, 1994. С. 125-126.
26. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С.111-112.
27. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001.
28. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С.143.
29. *Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав* Духовник Царской СемьиМ: Бр-во преп. Германа Аляскинского, Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 1994. С. 45.
30. *Схимонах Епифаний (А.А. Чернов):* «Жизнь святителя. Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский». «Святая Русь». Афины. 1999-2000. <http://www.rus-sky.org/history/library/chernov-f.htm>.
31. *Бэттс.* Ук. соч. С.46.
32. *Радзинский.* Ук. соч. С. 225.
33. *Щедрин А.А.* Письма Екатерины и Елизаветы Козаковых к Хионии Михайловне Берладской о Г.Е.Распутине. gosh-mosoh.livejournal.com. Дата публикации 10.03.2015. // ЦГАОР, фонд 612, ед. хран. 23, л.7-8.
34. *Щедрин А.А.* Ук. соч., л. 3-6